

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.80>

Гильфанова Гульнара Тавкильевна, Страхова Ирина Владимировна

РЕАЛЬНОСТЬ И ВЫМЫСЕЛ В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА

Исторические события прошлого столетия изменили судьбы целых народов: гитлеровская диктатура, Вторая мировая война, раздел территорий, идеологическое противостояние Востока и Запада. Необходимость художественного осмысления последствий пережитой трагедии обусловила расцвет немецкой исторической прозы. Целью статьи является анализ соотношения реальности и вымысла в литературном процессе Германии XX века. Нами была выявлена специфика образного, художественного воссоздания исторической проблематики в прозе Иоганнеса Бобровского, реформатора романной формы XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/4/80.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 387-390. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.112.2

Дата поступления рукописи: 19.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.80>

Исторические события прошлого столетия изменили судьбы целых народов: гитлеровская диктатура, Вторая мировая война, раздел территорий, идеологическое противостояние Востока и Запада. Необходимость художественного осмысления последствий пережитой трагедии обусловила расцвет немецкой исторической прозы. Целью статьи является анализ соотношения реальности и вымысла в литературном процессе Германии XX века. Нами была выявлена специфика образного, художественного воссоздания исторической проблематики в прозе Иоганнеса Бобровского, реформатора романной формы XX века.

Ключевые слова и фразы: историческая проза; вымысел; художественное освоение истории; литература Германии; историческая проблематика; И. Бобровский.

Гильфанова Гульнара Тавкильевна, к. филол. н., доцент

Страхова Ирина Владимировна

Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета

gulnara_tav@mail.ru; istrahova@yandex.ru

РЕАЛЬНОСТЬ И ВЫМЫСЕЛ В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА

Актуальность темы исследования объясняется тем, что в литературе появляется необходимость художественного осмысления национального опыта в формировании современной жизни. Поэтому **целью** нашего исследования является краткий обзор произведений немецких писателей и выявление соотношения реальности и вымысла, документа и литературного текста как одного из важнейших средств репрезентации истории. Научная **новизна** определяется синтезом традиционных художественных приемов и новых оригинальных методов, которые структурно «обновили» немецкий роман XX века.

Историческая проза нацелена на изображение реальных исторических фактов в их преломлении, объединенных исторической концепцией. Немецкие литературоведы определяют своеобразие творческой переработки истории в литературе, которая «видит современность в ее историческом движении, пытается отыскать ее определяющие силы...» [4, с. 5]. Немецкая историческая проза претерпела в своем развитии несколько этапов, временных пространств. В 1930-1940-е гг. Л. Фейхтвангер, Г. Манн, А. Деблин, Б. Франк боролись в своих романах против пропаганды фашистской идеологии, разоблачали лживые вымыслы о незаменности гитлеровского режима. Тематика их исторических романов была разнообразна: античность, французская культура эпохи Возрождения, колонизация Испанией Латинской Америки. Роман, созданный художниками-реалистами в период антифашистской эмиграции, утвердил новые образы, ставшие антитезой образу «сверхчеловека» литературы действующей власти. Главные герои их книг – это известные исторические лица, помещенные в многомерную панораму реальной действительности. Например, персонажи (древние римляне) в трехтомнике Л. Фейхтвангера «Иосиф Флавий ведет диалоги о современных проблемах XX века (национализм, космополитизм)». Здесь больше реальности, чем вымысла, но своеобразный синтез действительного и нереального в произведении «проясняет» идейный замысел автора, его стремление сообщить современному читателю о личных переживаниях и чуждой славянским народам идеологии. А вымышленный герой Л. Фейхтвангера («Семья Оппенгейм» (1933)), Фогельзанг, представляет собой собирательный образ вершителя судьбы человечества, его жизнь – фрагмент колоритной картины исторического процесса.

В довоенной Германии и в годы господства гитлеровской диктатуры создавались лживые мифы, в которых восхвалялись идеалы германского фашизма, чтобы заставить немцев отказаться от достижений национально-культурного наследия.

Сложный период исторического, культурного развития и нравственного становления Германии, 1945-1949 гг., был воспринят литературными кругами как «исходный пункт» послевоенной эры. Ее ««первый час» принадлежал не молодым авторам без литературной биографии и не писателям, бежавшим от Гитлера в другие страны, а представителям... “внутренней эмиграции”» [Цит. по: 3, с. 382], – комментируют послевоенную ситуацию в немецкой литературе Б. Адам и Д. Мюллер. Круг идей и тем этой литературы был сравнительно узок, он определялся жизненным опытом, сформировавшимся до 1918 и 1933 гг., вне гитлеровского идеологического диктата, слоя немецкой художественной интеллигенции. А ее представители, писатели «внутренней эмиграции», были авторами «первых книг» – Казимир Эдшмид («Полное право» (1948)), Эмиль Барт («Потерянный дом» (1936), «Планета» (1939), дневник военных лет «Лемурия» (1946)), Франк Тисс, Манфред Хаусманн, Хорст Ланге («Песнь иволги» (1948)), Август Шольтис («Волшебный костыль» (1948)), Эрнст Вихерт (публичная речь «К немецкой молодежи» (1946), «Дети Еромина» (1945-1947)). Их новые «первые» книги создавали впечатление некоего континуума, непрерывности немецкого литературного процесса.

Историческую правду о национальной трагедии немецкого народа в годы гитлеровской оккупации, о последствиях Второй мировой войны смогли рассказать своим соотечественникам немецкие писатели, прошедшие сложный путь исканий и сомнений, ставшие непосредственными свидетелями и вынужденными участниками фашистских деяний. В Западной Германии к их числу относятся Вольфганг Борхерт (новеллы «Билбрук», «Хлеб», «Ведь ночью крысы спят», пьеса «На улице перед дверью»), Генрих Бёлль (роман «Где ты

был, Адам?»), воевавшие на стороне вермахта. После 1945 года они осознавали его чудовищность, были полны непримиримой ненависти к национализму и военщине. Поэтому особенно проникновенно звучит в их литературных эпизодах «тема возвращения».

Проза литературы Восточной Германии художественно осмысливает историческое прошлое страны, репрезентирует отечественную историю неоднозначно. Об этом свидетельствует немецкая историческая проза Ст. Гейма («5 дней в июне» (1959), «Бумаги А. Ленца» (1963), «Свобода» (1969), «Книга царя Давида» (1970)), Ф. Фюмана («Богемия у моря» (1961), «Еврейский автомобиль» (1962)), К. Вольф («Расколотое небо» (1963), «Размышления о Кристе Т.» (1968)). Реальность и вымысел тесно переплетаются в более позднем романе А. Зегерс «Прогулка мертвых девушек», где вымыслом является прогулка некогда бывших одноклассниц героини, сопровождаемая, однако, рассказом о реальных фактах их жизни. А. Зегерс анализирует степень влияния фашистской идеологии на немецкий народ, в какой степени нацистская диктатура изменила людей. Одни выдерживают испытание, другие оказываются малодушными. Судьбы немцев – пример того, как губительна система, несущая людям насилие, демагогию, расовую ненависть, страх, заставляющий смолкнуть голос совести.

В российском литературоведении было отмечено, что «главная, хотя и мучительная победа литературы “Восточной Германии” (в оригинале – литературы ГДР. – *прим. авторов*), обусловившая ее подлинный расцвет, состоит не в достижениях старшего поколения писателей-антифашистов, а в переработке их опыта в новых исторических условиях следующими поколениями (Г. Маурер, И. Бобровский, Э. Штриттматтер, Ф. Фюман, Гюнтер де Бройн, Г. Кант (воевавшие в рядах гитлеровской армии), Х. Мюллер, К. Вольф)» [2, с. 18-19].

Творческие изыскания представителя «следующего поколения», Иоганнеса Бобровского, с его многогранным мировоззрением позволили «создать» исторический роман нового содержательного уровня и использовать новые художественные приемы в исследовании немецкой истории. Его самобытные работы были признаны в литературе обеих Германий и Европы, стали результатом специфичной переработки им национальных культурных традиций. В 1960-е гг. в немецком литературоведении обсуждалась основополагающая концепция творчества Бобровского: использование фольклора славян и немцев; синтез традиции и поиска другого стиля. Художественный стиль поэта и писателя был и остается объектом внимания литературоведов Европы, Латинской Америки. Об этом свидетельствует подборка библиографических исследований Андреаса Дегена (2017), насчитывающая свыше 300 источников [5].

В «Мельнице Левина» немецкий писатель обратился к реальным событиям в Германии, и ему удалось «написать» правдивую картину эпохи 1880-х гг. и передать ощущение духа времени. Бобровский вводит образ немца, поляка по происхождению, олицетворяющего германскую власть, и пишет в своих воспоминаниях: «...этот дедушка, исключительный немец, привлекает к судебному процессу всю свою немецкую “родню”, включая и ландрата, и доводит дело до того, что этот Левин лишается всего и покоряется судьбе. Но не хотят смириться с этим простые жители деревни, образуется оппозиция по отношению к Деду...» [11, S. 54].

Судя по источникам (хроника Неймюля), Левин вышел победителем в судебной тяжбе, противник его, «Дедушка Иоганн» (один из главных персонажей), понес заслуженное наказание. Старик Бобровский (однофамилец автор романа) как «истый немец» манипулирует своим «правом», берет верх над евреем Левиным, цыганом Хабеданком. Этот баланс сил – предвестник будущей трагедии немецкого народа. Старик считает себя, как и его богатый предок (Полеске), хозяином жизни, «наживает» на несостоятельных жителей Неймюля, устанавливая высокие поборы за помол, дает взятки. Через «явления духов» (предки дедушки) – всего их пять – автор романа добивается эффекта исторического присутствия. Причем «путешествия» во времени ничем не оговариваются, и происходит это во сне, в котором главный персонаж встречается с древними богами, дедом и отцом, польскими шляхтичами (Кшистоф, Микаэль, Збилут). Путешествуя писатель знакомит читателя с родословной главного героя. «Спустилась ночь. Дедушка лежит в постели. Кристина спит, а ему не спится, и тут ему является дух, если такое и взаправду бывает... – у него короткая черная борода, а звать его Полеске, он дедушкин предок. Дух стоит в спальне и что-то говорит... и речь у них все про одно и то же... “Мое право”» [1, с. 161]. Для понимания сюжетного развития автором романа были введены так называемые «пункты», что подтверждает и название самого романа: «Мельница Левина. Повесть о моем дедушке в 34 пунктах». События в романе развиваются по двум параллелям, которые помогают понять смысл произведения: 1) дело о мельнице; 2) сомнительная деятельность «Дедушки» перед слушанием дела в Бризене, его биография. Первой группе персонажей, состоящей из «баптистов, они же немцы... и кое-кто из менее зажиточных кругов... пастор Глинский... окружной судья Небенцаль... налоговый инспектор Лабудде, секретарь Бониковский» [Там же, с. 251], противостоит вторая – «та, что должна бы состоять из поляков-католиков, но вокруг которой неожиданно сомкнулись издолщники и батраки... адвентисты... и баптисты, и, стало быть, те же немцы... тетушка Хузе, до отчасти и бабка Вендехольд... запевала Вайжмантель... наши цыгане» [Там же].

Система персонажей в «Мельнице Левина» представляет идеальное отражение противоречивого «диалога» немцев с восточными соседями в 1880-е гг. Честность, чистота помыслов, естественная мораль характеризуют «мир маленьких людей» Бобровского, что является его личным мироощущением. Следующий отрывок романа свидетельствует о сказанном: «...кого-то видели весенней ночью... утром запруда оказалась спущенной, и что от мельницы осталась лишь половина мостиков. Старик знал, что делать с теми, кто наверху, но не учел то, что, есть такие, которые будут об этом повсюду говорить, и им не заткнешь рот» [Там же, с. 331]. Главная сила простых людей (крестьян, уличных музыкантов, бедных), а им «фрот не закроешь», в их единстве. Они по-своему выражают протест против «истого немца» и исполняют народную песенку «Гей-Гей-Гей»:

«Чудо-чудо из чудес, Моисей к воде полез... / поднялась в реке вода – крикнул Мойша “Ой! Беда!” / Ах, не знал и Моисей / Что же значит случай сей / Гей-гей-гей-гей! / Поднимает крик еврей. / Так скажите, кто и где / Ночью сунулся к воде? / Гей-гей-гей-гей! / Ночью, когда люди спят / Кроме тех, кто сыт и свят» [Там же, с. 209].

Концепция истории по Гердеру легла в основу художественного освоения истории Бобровским. Историческое мышление писателя перекликается с идеями философа, создавшего уникальную многовековую историю народов, утверждавшего идею общечеловеческой ценности отдельно взятой национальной культуры. Бобровскому удается показать это в своих новеллах и романах в XX веке. Писатель следует принципу свободного повествования и дает колоритное описание аира, травяного многолетника. В результате ощущаешь свое реальное присутствие и тот аромат маленького пучка душистого аира: «...аир... нет, аромат этот невозможно описать, он пахнет прозрачной водой, прогретой солнцем, водой, рекой... с таким светлым, чуть красноватым песочком, и на дно это медленно оседают взбаламученные последним дождем частички земли да истлевший листок, соломинка, а поверху шныряют паучки-водомеры, вот такая это вода. Но сюда же примешивается откуда то тонкая, едва уловимая сладость, и под сладостью еще горчинка... из земли, из прибрежной почвы, где аир растет и куда он проталкивает свои белые, желтые и розовые корни... он (аир) помясистее, чем камыш, и красивого зеленого цвета; с нижнего края и стебли посветлее и красноваты, потому что срезаны у самого корня» [Там же, с. 221].

Герои исследуемого нами романа выдуманы, выдуманы и сюжетные линии (история с мельницей). Но реальная история присутствует незримо (кайзеровская Германия 1880-х гг.; на самом деле – дедушка автора романа). Сомнения автора выражаются в размышлениях рассказчика, повествующего о Дедушке и о его бурной деятельности в деревне, и вообще – является ли это фактом. Специфика «Мельницы Левина» проявляется в двух следующих моментах. Налицо дисбаланс: в рассказанной истории больше вымысла, чем реальной истории. Вымысел (события романа) «наслаивается» на действительные исторические события: коронация короля Пшемислава 1295 года, история Польской шляхты и Радомская Конституция 1505 года, Польское восстание косинеров (январь 1863 г. – май 1864 г.) против царизма в королевстве Польском (Русская Польша), Литве, части Белоруссии. И вторым доказательством является то, что Бобровский представляет народное мнение, рассказывает о прошлом своей страны с точки зрения неимущего класса. Песенник Вайжмантель исполняют песню, и так читатель узнает о восстании косинеров 1863 года: «Это время наступило, подошло / Растоптали мою душу, растоптали... / И промолвили тут кайзер и король: <...> Разгоните, раздавите эту голь! / Душу польскую в поляках задушите!» [Там же, с. 306]. Ян Марцин, Геете, Левин и его девушка Мари, крестьяне Неймоля прослезилась, вспоминая события «на полях в русской Польше, в Кракове... всегда там, где люди не смиряются» [Там же].

Особенности его художественного метода выражаются и в том, что через личную жизнь главных героев мы узнаем о пережитой трагедии немецкого народа. Уроки прошлого должны стать назиданием будущему поколению. Миропонимание личности прошлой эпохи и настоящего воспринимается как единое целое. Это имеет большое значение, так как народ хранит национальные традиции, выступает за гуманизм, добрососедство, интернационализм во взаимоотношениях. Основные проблемы послевоенного времени отражены в сюжетных действиях и в дискуссиях персонажей. Через судьбы вымышленных героев, творческое освоение исторических событий в романе писатель представляет собственные мироощущения и исторические взгляды. В его понимании историю в обществе вершит народ, а традиции устного народного творчества способствуют сближению людей различных национальностей. Единство немецкого и славянского народов – залог мира и процветания. Бобровский отказался в своем творчестве от официального показа истории, и ей принадлежит второстепенная роль. Происходит непреднамеренный синтез реально-исторического и вымышленного, обогащенный авторским комментарием. В немецком литературоведении 1970-х гг. было выработано достаточно осмысленное мнение о творчестве Иоганнеса Бобровского, а именно о романе «Мельница Левина»: «Используя языковое умение и свое творческое воображение, И. Бобровский рисует в этом романе реальную картину жизни Западной Пруссии перед наступлением нового столетия и на примере простой истории подводит нас к трагическим событиям, которые происходили в недавнем прошлом. Этой книгой... автор поэтически осмысливает взаимоотношения немцев и поляков...» [11, S. 192].

Результаты исследования показали, что немецкий исторический роман прошлого столетия, охватывающего промежуток времени с 1930-х по 1970-е гг., был актуализирован в силу своеобразного синтеза реального и нереального, документа и действительности. Через картины прошлого, созданные немецкими писателями, активный читатель распознает историю своей страны, трагическую судьбу собственного народа. Важную роль в появлении нового, неисторического романа XX века играет неповторимое творчество Иоганнеса Бобровского. Используя документальную хроника (архивы), он «художественно интерпретирует действительно происшедшее», использует приемы, «монтаж», «поток сознания», соотносит нереальное пространство с фактическим. Прозаическое пространство писателя, в котором удивительным образом пересекаются художественный вымысел, реалии жизни и существует невидимая связь времен, наполнено литературным осмыслением немецкой истории, что и представляет авторскую художественную версию немецкой истории XX века.

Список источников

1. Бобровский И. Избранное. М.: Молодая гвардия, 1971. 447 с.
2. Гугнин А. Год 1990 – что дальше? // Вопросы литературы. 1990. № 10. С. 5-33.

3. **История литературы ФРГ** / отв. ред. И. М. Фрадкин. М.: Наука, 1980. 686 с.
4. **Хепке К.** Литература и жизнь: классика и современность в восприятии читателя. М.: Художественная литература, 1984. 320 с.
5. **Degen A., Descher S.** Johannes – Bobrowski – Bibliographie 2002-2016 [Электронный ресурс]. URL: [http://www.johannes-bobrowski-gesellschaft.de/jb/Bobrowski-Bibliographie 2002-2016.pdf](http://www.johannes-bobrowski-gesellschaft.de/jb/Bobrowski-Bibliographie%202002-2016.pdf) (дата обращения: 05.02.2019).
6. **Emmerich W.** Kleine Literaturgeschichte der DDR. Leipzig: Kiepenheuer, 1996. 360 S.
7. **Fokke J.** Eigentlich ein Vertriebener. Schriftsteller Johannes Bobrowski [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zeit.de/kultur/literatur/2010-01/johannes-bobrowski> (дата обращения: 12.02.2019).
8. **Hartung G. J.** Bobrowski // Sinn und Form. Berlin: Rütten & Löning Verlag, 1966. Н. 4. S. 1189-1217.
9. **Haufe E.** Zu den Erläuterungen // Bobrowski J. Gesammelte Werke: in 6 Bänden. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1999. Bd. 1. S. 5-9.
10. **Horst K. A.** Johannes Bobrowski und der epische Realismus // Merkur. 1964. № 200. Heft 10/11. S. 1080-1082.
11. **Johannes Bobrowski: Selbstzeugnisse und Beiträge über sein Werk.** Berlin: Union Verlag, 1975. 427 S.
12. **Leistner B.** Johannes Bobrowski. Studien und Interpretationen. Berlin: Rütten & Löning Verlag, 1981. 226 S.
13. **Lemberg E.** Das Nationalitätenproblem: Die Deutschen und ihre östlichen Nachbarn. Wien – Leipzig: Braumüller Verlag, 1931. 235 S.
14. **Putzger F. W.** Historischer Weltatlas. Berlin: Verlag H. R. Sauerländer & Co. Aarau, 1978. 146 S.
15. **Rhode G.** Die Ausstattung des Deutschtums und ihre Folgen für die Völker Osteuropas // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1971. Н. 4. S. 525-526.
16. **Salzer A., Tunk E. von.** Illustrierte Geschichte der deutschen Literatur // Das 20. Jahrhundert. Weinheim: Zweiburgen-Verlag, 1980. Bd. 5. S. 456-684.
17. **Welzig W.** Der deutsche Roman im 20. Jahrhundert. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1967. 406 S.
18. **Wolf Ch.** Die Dimension des Autors: in 2 Bänden. Darmstadt: Luchterhand, 1987. Bd. 2. 956 S.

REALITY AND FICTION IN THE GERMAN HISTORICAL PROSE OF THE XX CENTURY

Gil'fanova Gul'nara Tavkil'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Strakhova Irina Vladimirovna
Naberezhnye Chelny Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
gulnara_tav@mail.ru; istrakhova@yandex.ru

The historical events of the last century changed the fates of entire nations: Hitler's dictatorship, the Second World War, the division of territories, ideological confrontation between the East and the West. The necessity of artistic understanding of the experienced tragedy consequences led to the flourishing of the German historical prose. The purpose of the article is to analyse the relationship between reality and fiction in the literary process in Germany of the XX century. The study reveals the specificity of the figurative and artistic re-creation of historical issues in the prose by Johannes Bobrowski, a reformer of the novel form of the XX century.

Key words and phrases: historical prose; fiction; artistic mastering of history; German literature; historical issues; J. Bobrowski.

УДК 821.111-31

Дата поступления рукописи: 19.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.81>

В статье рассмотрены рамочные образы «окно», «штора», «дверь» / «дверной порог», которыми изобилуют рождественские повести Чарльза Диккенса 1840-х годов («Рождественская песнь в прозе», «Колокола», «Сверчок за очагом», «Битва жизни» и «Одержимый»). Семантический анализ рамочных конструкций и сопоставление их с такими же конструкциями из готической литературы демонстрируют новаторство Диккенса в использовании этих образов, маркирующих границы между реальностью и чудом: в диккенсовском рождественском цикле повестей 1840-х годов рамки являются индикатором перехода к новому этапу рассказываемой истории и способствуют актуализации новых смыслов, которые можно извлечь из текста.

Ключевые слова и фразы: Диккенс; рамочные конструкции; frame; рождественская литература; нарратология; готическая литература.

Горошкова Рената Ришатовна

Санкт-Петербургский государственный университет
goroshkovfamily@gmail.com

РАМОЧНЫЕ ОБРАЗЫ В РОЖДЕСТВЕНСКИХ ПОВЕСТЯХ 1840-Х ГОДОВ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

Концепт РАМКА – “frame” – является одним из ключевых в современной нарратологии, этому концепту приписывается функция обеспечения связи между настоящим и вымышленным [15, p. 188], а если говорить с позиции описания фикциональности – это один из медиумов, через которые читатель попадает в мир художественной литературы. Само понятие «художественная литература» амбивалентно рамочности и схематичности, потому что ее негласной целью является поломать рамки, раздвинуть границы, обмануть ожидания читателя [Ibidem, p. 190]. Научная новизна настоящей статьи обусловлена тем, что рамочные образы